

АЗБУКА-ПОЭЗИЯ

**ФЕДЕРИКО
ГАРСИА ЛОРКА**

ЛУНА И СМЕРТЬ

Санкт-Петербург

КНИГА СТИХОВ

БАЛЛАДА МОРСКОЙ ВОДЫ

*Эмилио Прадосу
(ловцу облаков)*

Море смеется
у края лагуны.
Пенные зубы,
лазурные губы.

— Девушка с бронзовой грудью,
что ты глядишь с тоскою?

— Торгую водой, сеньор мой,
водой морскойю.

— Юноша с темной кровью,
что в ней шумит не смолкая?

— Это вода, сеньор мой,
вода морская.

— Мать, отчего твои слезы
льются соленой рекою?

— Плачу водой, сеньор мой,
водой морскойю.

— Сердце, скажи мне, сердце, —
откуда горечь такая?

— Слишком горька, сеньор мой,
вода морская...

А море смеется
у края лагуны.
Пенные зубы,
лазурные губы.

1919

ДЕРЕВЬЯ

Деревья!
Вы — стрелы,
что небесами созданы?
Какие лучники вами стреляли?
Были вы звездами?

Музыка ваша — музыка птичьих душ,
Господнего взора,
Христовых страстей.

Деревья!
Будет ли узнано сердце мое в земле
сплетением ваших корней?

1919

ЛУНА И СМЕРТЬ

Зубы кости слоновой
у луны ущербленной.
О, канун умиранья!
Ни былинки зеленой,
опустелые гнезда,
пересохшие русла...
Как луне на закате
одиоко и грустно!

Донья Смерть ковыляет
мимо ивы плакучей
с вереницей иллюзий —
престарелых попутчиц.
И как злая колдунья
из предания злого,
продает она краски —
восковую с лиловой.

А луна этой ночью,
как на горе, ослепла —
и купила у Смерти
краску бури и пепла.

И поставил я в сердце
с невеселою шуткой
балаган без актеров
на ярмарке жуткой.

1919

ЖЕЛАНИЕ

Только сердце твое пылающее,
более ничего.

Мой рай — это сад
без лиры,
без соловьев —
слышен лишь родника
и ручья неспешного зов.

Без острой шпоры
ветра в плетенье ветвей густом,
без света звезды, что хотела бы
стать листом.

Только свет необъятный, который
был бы лишь светлячком
иного
сиянья,
свет в чистом поле,
в изломе взглядов признанья.

Полное отдохновение,
и мы в поцелуе слились,

и звонкие пятна
эха,
раскрывшего высь.

И только сердце твое пылающее,
более ничего.

1920

МОРЕ

Море, оно —
Люцифер лазури. С библейских времен
за стремленье быть светом
низринутый небосклон.

Море обречено
на движение вековое,
а когда-то на своде небесном оно
пребывало в покое.

Но от горечи роковой
ты спасалось, море, любовью,
рождена ведь Венера тобой,
и своей глубиной
ты не связано с болью.

Ты прекрасно даже в печали.
И не покоряешься никому ты.
Правда, звезды твои отсверкали,
вместо них — медузы да спруты.

Море страданий и слёз,
вечное в нашей судьбе.

Шел по тебе Христос,
шел и Пан по тебе.

А Венера-звезда
свет гармонии льет над землю.
Разве все суета?
Свет Венеры стал, море, душою
твоей...

...Кто же ты, человек?
Падший ангел, не боле, признай.
И земля — вероятно, навек —
твой потерянный рай.

Апрель 1919 года

ОСЕННИЙ РИТМ

Мануэлю Анхелесу

Горька позолота пейзажа.
А сердце слушает жадно.

И сетовал ветер,
окутанный влажной печалью:
— Я плоть поблекших созвездий
и кровь бесконечных далей.
Я краски воспламеняю
в дремотных глубинах,
я взглядами весь изранен
ангелов и серафимов.
Тоскою и вздохами полнясь,
бурлит во мне кровь и клокочет,
мечтая дождаться триумфа
любви бессмертно-полночной.
Я в сгустках сердечной скорби,
меня привечают дети,
над сказками о королевах
парю хрустальями света,
качаюсь вечным кадиллом
пленных песен,

заплывших в лазурные сети
прозрачного метра.
В моем растворились сердце
душа и тело Господни,
и я притворяюсь печалью,
сумеречной и холодной,
иль лесом, бескрайним и дальним.

Веду я снов каравеллы
в таинственный сумрак ночи,
не зная, где моя гавань
и что мне судьба пророчит.

Звенели слова ветровые
нежнее ирисов вешних,
и сердце мое защемило
от этой тоски нездешней.

На бурой степной тропинке
в бреду бормотали черви:

— Мы роем земные недра
под грузом тоски вечерней.
О том, как трещат цикады
и маки цветут, — мы знаем
и сами в укромном логе
на арфе без струн играем.
О, как идеал наш прост,
но он не доходит до звезд!
А нам бы — мед собирать,
и щелкать в лесах, как птицы,

и грудью кормить детей,
гулять по росе в медунице!

Как счастливы мотыльки
и все, что луной одеты,
кто вяжет колосья в снопы,
а розы — в букеты.
И счастлив тот, кто, живя
в раю, не боится смерти,
и счастлив влюбленный в даль
крылато-свободный ветер.
И счастлив достигший славы,
не знавший жалости близких,
кому улыбнулся кротко
наш братец Франциск Ассизский.
Жалкая участь —
не понять никогда,
о чем толкуют
тополя у пруда.

Но им дорожная пыль
ответила в дымке вечерней:
— Взыскала вас щедро судьба,
вы знаете, что вы черви,
известны вам от рожденья
предметов и форм движенья.
Я ж облачком за странником
в лучах играю, белая,
мне бы в тепле понежиться,
да падаю на землю я.